

Борис Васильев больше не мечтает по ночам

Комс. правда. — 1996 — 4 дек. — С. 6.

- Значит, теперь на мечты и воспоминания времени у вас не остается?

- И сейчас я с мечтами не расстался. Хотя сегодня они перестали посещать меня по ночам. А раньше это было регулярно, не мог заснуть. Так я привык с детства - мечтать, погружаться в далекие воспоминания.

Воспоминание первое: детство, родители

- Меня вырастила коза. Я никогда в жизни не пробовал женского молока - мама болела чахоткой, когда меня рожала. Она была очень замкнутым человеком. Все дело в том, что маму расстреливали. Но так случилось, что не расстреляли.

Когда она жила в Смоленске, кто-то донес властям, что муж у нее - поручик белой армии. Шел 19-й год. А отец "пропал" - была война. И маму забрали в заложники. Сказали, будут расстреливать. С ней оказалась одна дама, и, когда их повели с мужиками на расстрел, приказали "раздевайтесь!", она возмутилась: "Нам предлагаете раздеться? Сделайте так, чтобы нас расстреляли отдельно". Солдаты сказали: "Действительно, давай баб шлепнем не с мужиками". В грузовике их обратно привезли в город. Пока собирали женскую партию для расстрела, выяснилось, что мой папа - красный командир.

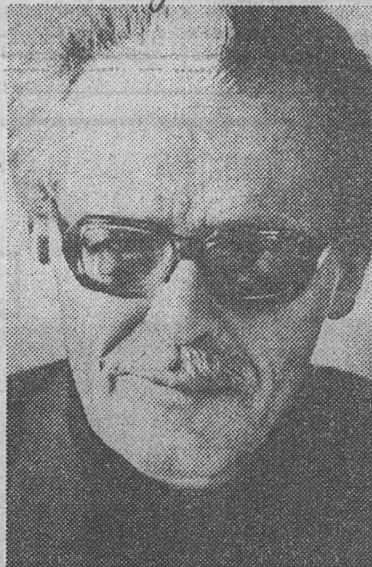
Мама прожила 86 лет. А я родился в Смоленске. Вместе с отцом приходилось шататься по военным гарнизонам. А потом, уже позже, оказался в центре армейского конфликта, возникшего в конце 40-х - начале 50-х годов. Тогда на смену офицерам, имеющим боевой опыт без военного образования, начало приходить следующее поколение - ребята, которые не воевали, но имели науку за плечами. Конечно, их приняли в штат. Началась так называемая борьба за выживание.

Так вот, однажды (а я не имею литературного образования: закончил Академию бронетанковых войск имени Сталина в Москве, испытывал танки) вдруг сел и написал пьесу на эту тему. Именно вдруг...

Воспоминание второе: литературная молодость

- Как только закончил пьесу, тут же отправил рукопись в Театр Советской Армии и дней через десять был туда востребо-

На даче писателя Бориса Васильева, по-деревенски скромной, ухоженной, и даже по ночам при свете старой настольной лампы, кипит работа. Теперь мэтр русской литературы живет отшельником и с головой погрузился в любимое ремесло. Писатель пишет новый роман, об Александре Невском

ван. Шел 54-й год. В театре меня встретил Алексей Дмитриевич Попов, в то время известный артист и режиссер. Он сказал, что пьеса ему понравилась. Но на самом деле это еще никакая не пьеса, а только материал для нее: "Ты написал пьесу, сидя в зрительном зале, а ее надо создавать, стоя на сцене".

Мне вдруг захотелось не то чтобы стать писателем, скорее добить волновавший меня конфликт - разрешить его на сцене (романтические мечты 24-летнего человека)! И как только приехал в часть, подал заявление с просьбой о демобилизации.

Пьесу все же поставили в Театре Советской Армии в 55-м году. Но уже вторую премьеру запретило Главное политическое управление Советской Армии. Категорически! А ее уже собирались ставить в Ленинграде... И плюс к тому - главному редактору журнала "Театр" Николаю Филипповичу Погодину приказали рассыпать набор этой пьесы для журнала. Я оказался на мели...

Воспоминание третье: КВН и литературная поденка

- Как жить? Как-то меня разыскал Погодин, спросил: хочешь в кино работать? (В то время Погодин руководил мастерской сценарных курсов). Я сказал: "Хочу". - "Тогда напиши маленькую заявочку". Меня с ней и приняли на сценарные курсы. Когда написал первый добротный сценарий, его купила Свердловская студия. По нему поставили мою пер-

вую картину - "Очередной рейс". Фильм оказался кассовым, наверное, еще и потому, что там играли замечательные актеры - Георгий Юматов и его жена Изольда Извицкая.

После этой работы я превратился в профессионального сценариста. Вначале сценарии шли очень хорошо, но позже - все хуже и хуже. Мне приходилось довольно долго жить на зарплату жены. Она - человек святой - получала 110 рублей, говорила: "Ради Бога, как-нибудь проживем".

В то время подрабатывал на радио, в "Новостях дня", делал подтекстовки. Потом я решил, что сценарии больше писать не буду, и взялся за прозу. Чтобы понять, как пишется проза, переписал всего "Злоумышленника" - с КВН. Когда в клуб пришел Саша Масляков, начал делать для них сценарии. Первая моя книжка, которая тогда была издана, - сценарии КВН. А хотелось написать что-то заметное, большое. И тут случилась история, которая мне сильно помогла...

Воспоминание четвертое: «А зори здесь тихие»

- То был момент, когда все зачитывались лейтенантской литературой, книгами Богомолова, Быкова, Бондарева... Но это в принципе была и моя литература. Ее писали мои ровесники. И то, что писали, знал и я. Но знал я и другой фронт - 1941 года. Для них фронт - это штабы, размах, танки. Для меня же - это бегание по лесу (мне

самому приходилось быть окруженцем). Вначале я просто зачитывался их книгами, а потом стал ощущать какой-то внутренний протест. И все, что написано мной в те годы, было сделано в этом состоянии. "А зори здесь тихие" - все тот же протест. Я решил написать о своих солдатах. И вот однажды в "Известиях" прочитал маленькую заметку: в 42-м на Карельском фронте дважды пытались сбросить десант на рокадную дорожку, идущую вдоль фронта. Они забросили три группы, две из которых наши уничтожили, а последняя все-таки прорвалась и вышла на разбезд, где находилась команда ВДРВ - из людей, не годных для строя, вооруженных одним пулеметом и винтовкой. Их было человек двадцать. Командовал сержант. Он вместе со своими людьми принял круговую оборону. Так как все провода были перерезаны, то за подмогой послали смышленного мужика. Они продержались, пока не пришло от наших подкрепление. За это сержант получил медаль "За боевые заслуги". Корреспонденты нашли его уже в 65-м году. Тогда он работал в совхозе сторожем. Главное в этой заметке для меня было другое - то, что и для сержанта: "Я принимаю решение, действую! Я - Жуков, Рокоссовский! Как решу, так оно и будет. Я отступлю, меня за это не разорвет генерал". В этой ситуации работаю и совесть, и нравственность.

...Решил написать об этом. Но, заканчивая вторую страницу, вдруг вспомнил о девушках. А в моей жизни они были... В какой-то степени я был знаком с прототипами моих героинь: когда-то учился в зенитной полковой школе, где потом и остался после окончания. Там меня назначили старшиной роты девушек. Мне тогда стукнуло 18. Что они со мной делали!

Представьте отношения: девушки и старшина. Я и кричал, и ахал, и нарывался, заставляя их в неглиже. Тут, конечно, и визг поднимался, и крик, девочки хохотали. А я был девственник.

Честно должен сказать: своих героинь убивать не собирался. Теоретически знал, что они должны выжить морально, нравственно, а не физически. Но девушки стали умирать сами - одна за другой. Когда рукопись попала в редакцию жур-

нала "Юность", Полевой сделал всего три замечания. Позже "А зори здесь тихие" стали бестселлером в кино, театре и даже в опере. А как Любимову было трудно поставить этот спектакль! От него просто требовали хотя бы одну девушку оставить в живых (я орал: "Не дам!", и они кричали: "Не разрешим!"). Опять: "Что? Прямо на сцене будет пять трупов? Тогда мне Гамлеты нашлись". Но мы пробились и победили. В зале почти не плакали. После спектакля люди утирали слезы и уходили. На сцене и в зале - тишина...

Воспоминание пятое: «Завтра была война»

- Книга написана в 76-м году. Десять лет пролежала в столе.

Все дело в том, что войну я встретил в Воронеже, куда в те годы ссылали семьи врагов народа. В классе, где я учился, нас не спрашивали о том, кто твой отец. История, о которой я рассказывал в этой книге, случилась в соседнем классе. Только там дело касалось не девочки, а мальчика. Действительно, его хотели заставить отказаться от отца, которым он очень гордился. Действительно, отец возглавлял авиационный завод. И мальчик покончил с собой. Все так и было. В 76-м я начал работу над рукописью. И опять главной героиней сделал девочку. Написал очень быстро.

Рукопись опять принес в "Юность". Но вот - бац! - сверху поступил запрет. У меня это был первый опыт запрета на книгу. Я спокойно положил рукопись в стол - переделывать созданное уже не мог.

... "К вам придет баба Лера" пролежала на полке 12 лет, я ничего в ней не изменил, хотя мне предлагали. Лежали "И был вечер, и было утро", "Жила-была Клавочка" (пять лет кому-то казалось, что она подрывает всю советскую систему).

- Андрей Дементьев как-то сказал: "Вы не идете на компромисс ни с добротой, ни с жестокостью". И добавил: "А более доброго писателя найти трудно".

- Со стороны виднее. Я беспощаден к своим героям. Просто хочу каждый раз видеть в них живых людей...

Расспрашивали
Аркадий БАЧИНСКИЙ,
Сергей АВЕРКИН.